

— Родственники, пожалуйста, подождите за дверью! Сейчас мы обязаны немедленно начать операцию.

Врач сурово повторил ещё раз:

— Пожалуйста, подождите за дверью!

Врач и медсестра были в масках, четыре колеса операционного стола прокатились по гладкому полу, двери операционной закрылись, и загорелся красный свет.

Всё, что в итоге смог увидеть Цинь Чаочэнь, — это лишь капля темноты.

Больница ночной порой отдавала холодом, стены отражали серебристо-белый свет. Фу Цюэчжи сидел на железном стуле, одетый с иголки в деловой костюм, на котором остались следы заломов — его вид выдавал растерянность, а узловатые пальцы были сплошь испачканы свежей кровью.

Его фигура была стройной, растрёпанная чёлка скрывала эмоции в глазах, костюм подчёркивал прекрасное телосложение, пуговицы на нём были застёгнуты до самого верха с педантичной аккуратностью. Он раздражённо сорвал галстук, неотрывно глядя на операционную, а от липкой крови на пальцах исходил густой, удушливый запах.

На красивом лице Фу Цюэчжи тоже алел след от крови — похоже, кто-то с испачканной в крови рукой нарочно коснулся уголка его глаза и провёл пальцем вниз, ярко и ослепительно.

— Господин Фу... мы всё ещё проводим совещание?

У Фу Цюэчжи на душе творился полнейший хаос:

— Нет.

Отвечая, он почувствовал в горле сухой, болезненный спазм.

Хэ Цзэ заметил, что Цинь Чаочэнь встал и направился в туалет. Повернувшись, он тут же позвонил Фу Цюэчжи, а заодно и родителям Цинь Чаочэня.

— Не нужно, я сам.

Цинь Чаочэнь стоял перед зеркалом, глядя на отражение мужчины — бледного, красивого, с высоким переносом и благородной формой губ. Его персиковые глаза, когда он не улыбался, излучали некоторую суровость, а стоило улыбнуться — напоминали рябь от лёгкого ветерка на

глади озера, играющую прекрасными переливами. Юношеская угловатость исчезла, сменившись резкостью и дерзостью, плечи были широкими, талия — узкой, а стан — стройным.

*

Цинь Чаочэнь лежал на операционном столе, с трудом шевеля пальцами, а в голове стоял такой гул, будто по ней туда-сюда проехала машина. Воспоминания пронеслись перед глазами вспять, кадр за кадром мелькая с невероятной скоростью.

Пять дней спустя в голове Цинь Чаочэня всё ещё гудело. Привыкнув к свету, он наконец приподнял тяжёлые веки. В палате пахло лекарствами, спину и плечи жгло огнём, а руки казались тяжеловесными, словно отлитыми из свинца.

— Я сначала в туалет схожу.

Хэ Цзэ тут же предложил:

— Тебя проводить?

С каких это пор он такой старый, чтобы сметь называть себя на год младше?! Что-то здесь не так, всё вокруг было неправильно.

Хэ Цзэ ответил без малейших колебаний:

— Младше тебя на год, мне двадцать два.

Цинь Чаочэнь в замешательстве переспросил:

— Сколько тебе лет?

Подойдя к двери, Хэ Цзэ обнаружил, что его братец Цинь сидит на кровати и хмуро оглядывает палату. Шагнув внутрь, Хэ Цзэ бросился к нему, терзаемый братской жалостью:

— Чаочэнь, ты наконец очнулся! Как ты себя чувствуешь?

Его взгляд внезапно замер на безымянном пальце — там виднелся след от кольца. Цинь Чаочэнь откинул со лба тёмные волосы и нащупал там шрам.

Он попросил Хэ Цзэ налить воды, а сам бросил взгляд на календарь, висевший на стене. Сейчас что, 2034 год?! Цинь Чаочэнь посмотрел на выглядевшего донельзя взрослым Хэ Цзэ.

Цинь Чаочэнь одновременно разозлился до желания врезать кому-нибудь и почувствовал себя горько обиженным. Он крепко сжал пальцами край больничной одежды, и в тот же миг у него защипало глаза.

Его терзали смутные сомнения и тревога: ему же всего восемь лет, он ещё учится в школе, как такое могло произойти? Розыгрыш?

Перед глазами вставали картины: вот он обнимает и целует Фу Цюэчжи, вот они стоят рядом в старшей школе, позируя для выпускного альбома, а он приобнимает Фу Цюэчжи за плечи с вызывающей ухмылкой. Кадры сменяли друг друга и в конце концов застыли на моменте автокатастрофы — вспышка ослепительно-белого света в салоне, разлетающиеся осколки и обломки машины, рассекающие воздух, и чья-то рука, оставляющая кровавый мазок на родинке под тем самым глазом.

— Эй, тетя, дядя, с ним всё в порядке, лучше некуда.

— Ты попал в аварию. — Хэ Цзэ, обладавший толстой кожей и напрочь лишённый мнительности, беззаботно произнёс: — К счастью, тебя вовремя спасли, ничего страшного. Я как раз отдыхал за границей, услышал об этом и тут же прилетел обратно.

Хэ Цзэ шлёпнул себя по бедру:

— Живой и невредимый, хоть танго танцуй, вы двое старших не переживайте. Что он там не может есть? Уже умял две свиные рульки! Жирная пища? — Хэ Цзэ поломал голову: — Приготовлю на пару без масла, буду поить его супом из свиных рулек, чтобы поддержать желудок и улучшить цвет лица.

При виде Хэ Цзэ Цинь Чаочэнь погрузился в ещё более глубокие раздумья. Хэ Цзэ был его закадычным другом с самого детства, но сейчас выглядел до неприличия взрослым, а чёрный костюм придавал ему солидности.

— Кх-кх, а что со мной случилось? — Цинь Чаочэнь задал этот вопрос очень ловко, не выдавая никакой лишней информации. Одетый в бело-голубую полосатую пижаму, он устремил на Хэ Цзэ пару чернейших глаз, полных лёгкого недоумения.

Такое красивое лицо — и изуродовано! Да ещё и постарело! Воспоминания Цинь Чаочэня застряли в восемнадцатилетнем возрасте, а пять прибавившихся лет канули в лету, словно брошенная собаке мясная булочка, причём от этих пяти лет у него не осталось ни единого воспоминания.

Цинь Чаочэнь уже собирался выйти из туалета, как вдруг услышал знакомые имена.

— Фу Цюэчжи, он очнулся, он даже спросил, сколько мне лет, ха-ха-ха...

Цинь Чаочэнь ещё не успел до конца осознать, что ему уже двадцать три года, как прямо в лоб получил удар в спину от лучшего друга. С точки зрения Цинь Чаочэня, Хэ Цзэ в этот момент доносил на него Фу Цюэчжи, бросая только что очнувшегося после аварии товарища прямо в пасть дракону.

В глазах Цинь Чаочэня вспыхнули искры гнева.

С малых лет он и Фу Цюэчжи были заклятыми врагами, пикируясь по любому поводу. Они соревновались во всём: в росте, оценках, высоте переносицы и даже в размерах во время периода полового созревания. Сравнивали буквально всё, что поддавалось сравнению. Дошло до того, что они пересчитали друг другу волосы на голове, пытаясь выяснить, у кого их больше, но в итоге оказалось, что количество волос у них одинаковое, чем Цинь Чаочэнь остался крайне разочарован.

Вдобавок семьи обоих были равного достатка, родители поддерживали прекрасные отношения, а они с Фу Цюэчжи и вовсе жили по соседству, так что Цинь Чаочэнь терпеть его не мог. Говорили, что у Фу Цюэчжи широкий круг общения, но с самим Цинь Чаочэнем они были как вода и огонь: в детстве только и делали, что строили друг другу пакости.

— Чаочэнь, посиди пока, — махнув ему рукой, Хэ Цзэ достал салфетку, чтобы протереть экран телефона. Он страдал лёгкой формой гермофобии и на ходу приговаривал: — Горячая вода кончилась, пойду налью тебе свежей.

Цинь Чаочэнь слабо выдавил:

— Спасибо.

Увидев, что Хэ Цзэ удалился, Цинь Чаочэнь тут же сбросил маску учтивости. Быть дураком и не унести отсюда ноги прямо сейчас он не собирался — ему вовсе не улыбалось предстать перед Фу Цюэчжи в таком виде. Если Фу Цюэчжи увидит его настолько жалким, от его гордости и лица ничего не останется, он полностью потеряет всякое достоинство.

Кроме того, Цинь Чаочэнь сомневался в характере их отношений с Фу Цюэчжи спустя пять лет: наверняка они стали ещё хуже. А этот Хэ Цзэ — лучший друг, с которым они вместе в детстве бегали без штанов... Тьфу, этот предатель растоптал их дружбу и тайком спелся с Фу Цюэчжи! Цинь Чаочэнь глубоко презирал его, кипя от злости внутри.

Вот только сам он пока оставался лежачим больным, иначе бы уже давно налетел на этого предателя с кулаками. Цинь Чаочэнь тяжело вздохнул, чувствуя себя скверно.

Фу Цюэчжи и впрямь был его злым роком, настоящим бедствием.

Из них двоих в живых должен остаться только кто-то один, свирепо подумал Цинь Чаочэнь.

Прихрамывая, он выбрался из палаты. Тело только-только восстанавливалось, каждое движение давалось с трудом, координация хромала, так что Цинь Чаочэнь сосредоточенно смотрел себе под ноги.

В следующую секунду он со всего маху врезался во что-то твердое, заставив ушибленный нос пронзительно зануть.

И зачем только отрачивать грудь толщиной со стену? Цинь Чаочэнь скривил губы, нос покраснел от удара.

— Прошу прощения, прости, я не смотрел под ноги, ты ведь ушиб грудь об меня?

Эта стена никак не отреагировала.

Он ведь не железноголовый, чтобы людей калечить, и потому бросил с запредельным раздражением:

— Эй, брат, ты ещё что удумал?

Цинь Чаочэнь поднял голову и запнулся на полуслове:

— Ф-Фу Цюэчжи...?!

— Тело еще не осело, нечего шастать где попало, — нахмурившись, произнёс Фу Цюэчжи. Посчитав свой тон слишком резким и испугавшись за только что пришедшего в себя после аварии Цинь Чаочэня, он смягчил голос: — Если тебе чего-то хочется съесть или сделать, просто скажи мне.

Цинь Чаочэнь, уже приготовившийся выслушать порцию упрёков и надувший губы от обиды, услышал вторую половину фразы, и весь его гнев мгновенно улетучился, сменившись смесью растерянности и неловкости.

Фу Цюэчжи не стал над ним смеяться и не отпускал язвительных шпилек — совсем на него не похоже. Цинь Чаочэнь в растерянности подумал, не слишком ли демонизировал этого человека; быть может, Фу Цюэчжи на самом деле не такой уж и плохой... наверное.

Готовый сорваться с языка вопрос Какое тебе вообще дело? трансформировался в другое:

— Ты пришёл навестить меня?

— Угу, — отозвался Фу Цюэчжи, шагнул вперёд и попытался поддержать его, но тот

неестественно отстранился: — Я и сам на костылях справлюсь.

Пасты Фу Цюэчжи на мгновение замерли, но он не придавал этому особого значения — Цинь Чаочэнь всегда был ужасно гордым, к тому же страсть как любил поплакать.

— Пустяки, больному полагается опираться на кого-то, это вполне естественно, — голос Фу Цюэчжи звучал еще мягче прежнего, а его пальцы уверенно легли на руку Цинь Чаочэня, излучая властность, до боли знакомую со времен их юности.

У Цинь Чаочэня по коже побежали мурашки, его передёрнуло.

— Я хочу выйти на улицу.

— Тебе ещё нельзя вставать, нужно наблюдаться в больнице, — не задумываясь ответил Фу Цюэчжи.

Последние несколько дней Фу Цюэчжи почти не спал: сегодня он сначала съездил домой, чтобы присмотреть за Цинь Шу, а едва прилёг отдохнуть, как ему позвонил Хэ Цзэ, и он помчался сюда без остановок.

— Виновник аварии уже найден, он сбежал в другую провинцию, как раз в город С. Полиция поймала его с помощью системы уличного наблюдения. Его родственники приходили просить о подписании бумаги о прощении, я отказался, — усмехнулся он. — Он сел за руль пьяным и еще смеет просить о прощении? Совершил поступки — будь добр нести ответственность.

— Отлично сработано! — Цинь Чаочэнь полностью поддержал действия Фу Цюэчжи.

Правда, с какой стати это бумагу должен одобрять именно ты? Твое согласие или несогласие вроде бы ничего не решает, пострадавший всё еще лежит на больничной койке, неужели вы с ним заклятые враги до такой степени, что можешь перепрыгнуть через родителей и единолично решать, подписывать прощение или нет?

Разве нормальный человек позволит заклятому врагу решать вопрос о подписании прощения?

Цинь Чаочэнь застыл в нерешительности.

В его голове пронеслись самые дикие предположения, едва не доведшие его до сердечного приступа.

— Почему ты дрожишь? Замёрз? — Фу Цюэчжи протянул руку и запахнул больничный халат на Цинь Чаочэне.

Цинь Чаочэнь выдавил:

— Д-да, немного холодно. — На душе стало ещё холоднее.

— Братец Цинь, куда это вы запропалились, в туалете ведь никого не было. — Хэ Цзэ, вернувшись, заметил идущих снаружи Цинь Чаочэня и Фу Цюэчжи и даже озадаченно заглянул в уборную.

Цинь Чаочэнь напустил на себя вымученную улыбку:

— Выходил подышать воздухом. — Иначе как ему было смотреть в глаза предателю и заклятому врагу? Сдаваться Фу Цюэчжи Цинь Чаочэнь не собирался ни за что на свете.

Фу Цюэчжи протянул чашку:

— Выпей горячей воды.

Цинь Чаочэнь струсил:

— Ладно-ладно-ладно.

Хэ Цзэ между делом поинтересовался:

— Как там Шушу?

— Матушка Ли хорошо за ним присматривает, просто он немного скучает по папе, — ответил Фу Цюэчжи и при этом бросил взгляд на Цинь Чаочэня.

Стоп, а на него-то зачем смотреть?! Он ему вовсе не дядя! Такой большой лоб, а всё ещё скучает по папе, совсем стыд потерял? Цинь Чаочэнь презрительно фыркнул.

Неужели от него ещё и какого-то мнения ждут?

Хэ Цзэ:

— А Шушу ночами хорошо спит?

Фу Цюэчжи:

— Терпимо, я немного полежал с ним перед уходом, но тут позвонил ты.

Хэ Цзэ оживился:

— Шушу всё ещё любит Лего? Я тут привез ему новый набор из-за границы.

Фу Цюэчжи:

— У него и так полно игрушек, потом как-нибудь отдадим, — Фу Цюэчжи был человеком строгим.

Цинь Чаочэнь взвился:

— До чего же бесячий тип!

Фу Цюэчжи и Хэ Цзэ переглянулись; Фу Цюэчжи даже задумался, не разрешить ли сыну повозиться с новым конструктором.

Цинь Чаочэнь разъярился окончательно:

— Ты что за дядюшка такой никчёмный?! Такой здоровый лоб, а всё по папе скучаешь, да ещё и требуешь, чтобы по ночам с тобой ложились! Никакой эмпатии, такой эгоистичный тип должен гнить и вонять где-нибудь в тёмном углу! — чем дальше говорил Цинь Чаочэнь, тем больше заводился: — Не смей потакать ему только потому, что он твой дядя! Иначе он рано или поздно огребёт по полной, какой от него толк вообще?! От него одни сплошные мучения! Бросай его поскорее! Хватит цепляться за эту семейную привязанность, даже родной сын не станет вести себя подобным образом!

Фу Цюэчжи: «.....»

Хэ Цзэ: «.....»

Лицо Фу Цюэчжи потемнело, Хэ Цзэ застыл с невысказанными словами на устах, глядя на него с абсолютным неверием во взоре, выражавшем немое: «Не ожидал от тебя такого, Цинь Чаочэнь».

Лицо Фу Цюэчжи почернело окончательно.

Но ведь он же искренне хотел как лучше! — обиженно подумал Цинь Чаочэнь.

Ведь горькая правда всегда идет на пользу, почему же на нём это правило не сработало?

Ему хотелось заплакать.

<http://bllate.org/book/21015/2136475>